

Ирина Матлак

АКАДЕМИЯ ПЯТИ СТИХИЙ. ИССУШЕНИЕ
АКАДЕМИЯ ПЯТИ СТИХИЙ. ВОЗРОЖДЕНИЕ

ЛИСЫ ВЫБИРАЮТ СЛАДОСТИ

СУМЕРЕЧЬЕ. ДЕВЧОНКА ИЗ СЛЕЗНЫХ ТРУЩОБ

СУМЕРЕЧЬЕ. УНДИНА ОСОБЫХ КРОВЕЙ

СУМЕРЕЧЬЕ. ПРЕЕМНИЦА ТЕМНОГО МАГА

КРУГ ДВЕНАДЦАТИ ДУШ

ЖЕНА В ПРИДАЧУ, ИЛИ САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ПРИЗ

ДЕСЯТАЯ ЖИЗНЬ

КРЫЛЬЯ ФЕНИКСА

ПРИСЛУГА В ГОСТИНИЦЕ ДУХОВ

На звезды яркие глядя,
Попрошу я немного чудес,
Волшебник просьбу услышит
И луну мне сбросит с небес.
Так важно в жизни бывает
Верить в чудо и знать:
Иногда, чтобы счастье случилось,
Нужно верить уметь и мечтать...

ПРОЛОГ

Я окончательно выбилась из сил, когда передо мной неожиданно появился *он*.

Он был не таким, как все взрослые, которых я знала. Не понимала, чем именно, но незнакомец сильно отличался и от моих родителей, и от родителей моих подружек, и от снующих по городу прохожих. Да и, пожалуй, все-таки был гораздо младше их.

Я подняла на него заплаканные глаза и, жалобно всхлипнув, замерла. За поворотом гудели машины, сновали толпы, а мы стояли в маленьком проулке и внимательно друг друга рассматривали.

А затем *он* присел передо мной на корточки и спросил:

— Заблудилась?

Лицо у него было не очень красивое. Чересчур резкие черты и прищуренные, как будто колючие голубые глаза могли бы напугать, но я почему-то не боялась. Даже протянула вперед руку и погладила его по щеке.

В голубых глазах отразилось неприкрытое удивление, и я широко улыбнулась.

— Где твои родители, малышка? — Его голос немного потеплел.

Улыбка медленно сползла с моего лица, и мне снова захотелось разреветься. Потому что я вспомнила, как мы приехали погулять по городу, я увидела красивую сверкающую бабочку и побежала за ней. Бежала, бежала, а потом бабочка внезапно исчезла. И я осталась совсем одна посреди незнакомой улицы. Теперь у меня устали ножки, болит разбитая коленка, и еще мне очень-очень страшно оттого, что я никогда не увижу родителей. Они меня не найдут!

Я захныкала.

Незнакомец тяжело вздохнул и, неожиданно взяв меня на руки, посадил себе на плечи. Хныкать я перестала моментально и вновь восторженно улыбалась, глядя на мир сверху вниз.

Мы вышли на широкую улицу, и незнакомец уверенно понес меня вперед. Рядом продавали воздушные шарики, и когда я потянулась к забавной мордочке Микки-Мауса, он без возражений его купил.

— Зовут тебя как, малышка?

— Юля, — представилась я, жуя купленный вместе с шариком пончик. Сладкий крем тек по подбородку, и мне едва удавалось вовремя его вытирать. Испачкать волосы незнакомца совсем не хотелось.

— А лет сколько?

Я приосанилась и не без гордости ответила:

— На прошлой неделе исполнилось шесть! А тебе?

— Шестнадцать, — отозвался *он*.

— Какой ты старый! — ужаснулась я и поерзала, устраиваясь поудобнее.

Мы гуляли по городу до самого вечера. Бродили по площади, где я бегала по фонтану и, подняв подол сарафанчика, мочила босые ноги; катались на каруселях, а после заглядывали в магазинчики игрушек и сладостей. Хотя больше ничего выпросить мне не удалось, я была счастлива. Настолько, что забыла и о родителях, и о том, что потерялась, и даже о запрете на разговоры с незнакомыми людьми.

— А тебя как зовут? — когда небо стало темнеть, запоздало поинтересовалась я.

— Меня? — переспросил мой новый друг и уже открыл рот, намереваясь ответить, как вдруг я заметила в толпе маму.

Рядом с ней шел папа, и они оба были непривычно бледными и напуганными.

— Твои родители? — проследив за моим взглядом, спросил *он*.

— Ага, — кивнула я и, не сводя с них взгляда, бросила: — Подожди немножко, я сейчас вернусь!

И, размахивая воздушным шариком, с криками помчалась к ним. Меня целовали, обнимали, затем ругали и снова обнимали. Сопровождающий родителей полицейский устало отер влажный лоб и выдохнул:

— Ну, слава богу. Нашлась!

Высвободившись из цепких маминых объятий, я схватила родителей за руки и потащила в сторону фонтана:

— Пойдемте! Пойдемте, я вас кое с кем познакомлю!

Но, когда мы пришли на то место, где несколькими минутами назад стоял мой новый друг, его там уже не было. Напрасно я заставила родителей обойти всю площадь и даже ближайшие улицы.

Он исчез, будто его и не было. А на память об этой встрече у меня остался лишь воздушный шарик, который сдулся уже через неделю. Тогда я взяла плоскую мордочку Микки Мауса и, накрыв стеклом, закопала во дворе нашего дома. Это был мой секретик. Рядом такой же секретик закопала Ленка, только вместо сдувшегося шарика положила фантик от шоколадной конфеты.

Затем мы пометили место, положив на него сорванные ромашки, и убежали в дом. А ночью мне снилось, что около секретика стоит *он* и внимательно смотрит в мое окошко.

**Глава первая,
в которой желания исполняются
самым неожиданным образом**

Четырнадцать лет спустя

— Но мне очень нужна работа! — порывисто воскликнула я, когда все веские аргументы закончились и не осталось ничего другого, кроме как пытаться надавить на жалость.

Сложив руки на коленях, подняла на сутулого дядечку невинные карие глаза и прибегла к самому главному оружию — умильной моське. Нижняя губка чуть выпятилась, на щеках, наверное, появился румянец, глаза влажно заблестели, а карамельного оттенка прядь несчастно упала на лоб.

Сейчас я, конечно, не могла видеть себя со стороны, но точно знала, что выгляжу неотразимо. Не в том смысле, что передо мной все представители мужского пола расстелились бы ковровой дорожкой, а по-детски мило и безнадежно трогательно.

Умильной моськой проникались все. Всегда.

Но этот тип отчего-то проникаться не желал:

— Девушка, я вам уже все сказал. Мест нет.

От безысходности захотелось удариться головой о стол.

Ну неужели так сложно дать человеку маленький шансик? Можно подумать, я пришла устраиваться в ведущую компанию, претендуя на место генерального директора! Всего-то просилась на должность продавца в захудалом магазинчике косметики.

Дядька, так и не удосужившийся лишний раз на меня взглянуть, продолжал пялиться в монитор и непрестанно щелкать мышкой. Еще пару секунд посидев на месте, я резко встала, подхватила с пола дорожную сумку и, вежливо попрощавшись, вышла за дверь.

Жутко хотелось хлопнуть ею как следует, но я сдержалась. В конце концов, как бы ни был неприятен этот работник, он не виноват в сложившейся ситуации. Меня просто опередила ка-

кая-то шустрая девица, и вакансия утратила свою актуальность еще вчера.

Сев на скамейку, я сняла зубами крышечку красного маркера и вычеркнула очередное объявление. На сегодня — последнее. Скомкав газету, пульнула получившимся шариком в мусорный бак и под действием преследующего меня в последнее время невезения ожидаемо промахнулась. Пришлось вставать, поднимать брошенный мусор и лично доставлять его до места назначения.

На этом мои силы оказались исчерпаны, и на скамейку я буквально упала. Так вот, значит, как чувствуют себя люди без определенного места жительства...

А все Ленка, чтоб ей пусто было!

Так называемая подруга позвонила с полмесяца назад и с радостью сообщила, что приглашает меня к себе — не в гости, а навсегда. Не так давно она вышла замуж и переехала из нашего глухого поселка в город, где зажила как в сказке — счастливо и припеваючи.

И вот наконец Ленка вспомнила о любимой подруге детства и о том, что неплохо бы перетащить ее поближе к себе. Мне пообещали жилье на первое время и помощь в поиске работы. Как же я радовалась возможности уехать! Мечтала, что стану посылать родителям деньги, чтобы они могли обеспечивать и себя, и моего младшего братишку. Не то чтобы в нашей семье было очень туго с финансами, но дополнительная копеечка лишней не бывает. Особенно хотелось порадовать Сашку, которому через два месяца предстояло переступить порог школьной жизни.

Я представляла себя работающей продавцом-консультантом в хорошем магазине. И, надо отметить, представляла не просто так, а вполне обоснованно, ведь Ленка уверяла, что именно такое рабочее место сумеет для меня подыскать. Ее приятельница занимала должность заведующей одного вполне приличного магазинчика, Ленка в своих заверениях была убедительна, так что самостоятельным поиском работы я заранее не озадачилась.

Как оказалось, зря.

Когда две недели назад я вырвалась из своей глухомани, протрясавшись несколько часов на электричке и уставшая, но счастливая пришла по указанному адресу, оказалось, что дома никого нет.

«Ничего! — с энтузиазмом подумала я тогда. — Наверное, куда-то ушли и скоро вернуться!»

Но не тут-то было. Милая женщина, выглянувшая из соседней квартиры, любезно сообщила, что Леночка с Пашенькой на целый месяц укатили в Тайланд. Как выяснилось, медовый месяц они планировали уже давно, путевки были куплены заблаговременно, вот только сообщить мне об этом, видимо, забыли.

На сообщения в вайбере любимая подружка не отвечала, ключи мне не оставила, и я на ночь глядя оказалась без крыши над головой. Первым порывом было вернуться обратно в поселок, но, уже покупая билеты на вокзале, я внезапно передумала.

Деньги на первое время были, и я решила попытаться устроиться в городе самой. Сняла номер в самой дешевой гостинице, сразу же купила газету и засела за объявления о работе.

Дни пролетали незаметно и стремительно, деньги таяли, а работа находится никак не желала. У меня имелось профильное образование, соответствующий диплом, выданный в стенах родного колледжа, и даже опыт работы, но это оказалось бесполезным.

«Нет мест!», «Вакансия уже неактуальна!», «Взяли другого специалиста!» — фразы, которые успели набить оскомину и надоесть до зубного скрежета.

Минувшая ночь оказалась последней оплаченной в гостинице, и сегодня ночевать мне было негде. Деньги остались только на обратный билет и какой-никакой перекус.

Неужели это конец? Неужели придется возвращаться обратно, так бесславно проболтавшись две недели и потратив все накопленные деньги? Выслушивать недовольство родителей, видеть их расстроенные лица и смотреть в глаза Сашке, который так на меня надеялся. Снова идти в ненавистный магазин, где платят до смешного мало, таскать тяжелые ящики и выслушивать бесконечные, переливающиеся из пустого в порожнее сплетни местных кумушек.

От безысходности хотелось взвыть. Вот почему я такая невезучая? И наивная, чего уж там...

Мне всегда говорили, что я — неисправимая, оторванная от реальной жизни мечтательница. Положа руку на сердце, так оно и есть. Не то чтобы я была неприспособленной и несамостоятельной, просто иногда казалось, что обыденная реальность слишком для меня тесна. Что все вокруг органично вписывается в наш мир, а я в нем — чужая...

Внезапно в боковом кармашке сумки раздалась знакомая вибрация и, достав телефон, я несколько долгих мгновений смотрела на горящий дисплей. Затем тяжело вздохнула и с тоской нажала на кнопку принятия вызова.

— Да, мама, — произнесла я притворно-бодрым голосом. — Привет, мама. Хорошо, мама. Да-да, замечательно, мама! И начальник хороший... Ага, уже пятый день работаю. Ага... ага... и им передавай привет. Целую, пока.

Затолкав мобильник обратно, я откинулась на спинку скамейки и возвела к небу страдальческий взгляд. Может, хотя бы оно проникнется моей умильной моськой и в кои-то веки сжадется?

Все-таки возвращаться в поселок — это не вариант. Просто не хватит духу явиться обратно с пустыми карманами и признаться в обмане. И не важно, что деньги были мои собственные — все равно стыдно.

По чистому летнему небу неспешно проплывали облака, сквозь зеленую листву проникали золотые лучи солнца — приятно согревающие и вынуждающие щуриться, а я, сидя в небольшом красивом скверике, чувствовала себя ужасно несчастной.

На фоне замечательной погоды и радостных лиц гуляющих здесь прохожих мое собственное положение казалось еще более тоскливым. Сегодня мои розовые очки оказались разбиты окончательно, и как быть дальше, я пока не знала. Единственное, что приходило на ум, — это попытаться найти работу не по специальности. Наверное, следовало задуматься над этим уже давно, но я все надеялась, что мне улыбнется удача...

Честно говоря, работу свою я не особо любила, но, когда встал выбор, куда поступать, особых вариантов не было. Родители настояли на торговом колледже, и я к ним прислушалась. Поучившись полгода, пошла работать и далее совмещала работу с учебой. Отучившись, так и осталась в должности продавца небольшого продовольственного магазинчика.

А ведь прежде я мечтала совсем о другом...

Солнце упало за горизонт, на потемневшем небе показались первые звезды, людей в сквере стало меньше, а я все продолжала уныло восседать на скамейке. Свою хандру заедала купленным в паре шагов сэндвичем, курица в котором явно попрощалась с жизнью неприлично давно. Оставшийся в пластиковом стаканчике кофе успел остыть и, допив его в несколько глотков, я отправила стаканчик туда же, где нашла свое последнее пристанище скомканная газета.

Запрокинув голову, снова посмотрела на небо и, зацепившись взглядом за самую яркую звезду, неожиданно для самой себя попросила:

— Пожалуйста, дай мне шанс! Пусть для меня найдется работа... ну хоть какая-нибудь!

Помнится, в детстве я часто сидела у окошка, смотря на ночное небо и загадывая звездам свои смешные желания. Особенно часто просила куклу — такую же, какую подарили на день рождения Ленке. Попросив, тут же лезла под кровать, обыскивала шкаф и шарила по углам, проверяя, не появилась ли она там. А когда ничего не находила, расстраивалась и искренне недоумевала, почему мое желание мгновенно не исполнилось.

Куклу мне так и не купили, и вера в волшебство постепенно сошла на нет. Перед сном я стала закрывать занавески, в окно больше не смотрела, а вскоре и вовсе забыла о том, что когда-то просила звезды об исполнении желаний.

Забыла, а сейчас вот почему-то вспомнила. Смешно...

Как говорит мама: до двадцати лет дожила, а ума так и не набралась.

Как говорит наш сосед после того, как хорошенько приложится к бутылке: чему бы жизнь нас ни учила, а сердце верит в чудеса.

Решив, что дольше сидеть здесь бессмысленно, я собралась идти на вокзал. Ночевать там всяко лучше, чем под открытым небом, а завтра утром на свежую голову подумаю, как быть дальше.

Вздохнув, я нехотя поднялась со скамьи и уже взялась за ручку сумки, как вдруг услышала странный, проходящий на жужжание мотора звук. Он шел откуда-то сверху, и, вновь невольно посмотрев на небо, я замерла с открытым ртом.

На меня падал автобус.

Точнее, не совсем падал, а медленно опускался, словно бы ехал по склону невидимой горы. Свет фар становился все ярче, гул мотора — все ближе. Через несколько секунд я смогла различить ярко-красный цвет странного транспорта, круглые боковые зеркала и глянец, совсем как у дорожной новенькой «феррари». Автобус был небольшим и как будто немного пухлым.

Приблизившись, он замедлил скорость и завис примерно в метре от земли так, что напротив меня оказалась тут же отъехавшая в сторону дверца. Из нее, будто язык у питбуля, вывалилась складная лестница, и в проеме нарисовался невысокий худощавый мужчина, держащий в руках рулончик билетов.

Он молча смотрел на меня, я молча смотрела на него и медленно оседала на скамейку. Правда, расстояние не рассчитала и вместо нее плюхнулась прямо на землю, оторопело изучая явившееся мне чудо.

— Деда-а, а чего она на земле сидит? — протянул проходящий мимо мальчик, ткнув в мою сторону указательным пальцем.

— Не знаю, внучок... Странная нынче молодежь, ох и странная!

Я проводила прогуливающуюся по парку парочку заторможенным взглядом, и в следующий момент до меня дошло: автобуса они не видят. Его что, вообще не видит никто, кроме меня?!

Должно быть, я брежу.

— Ну? — спросил кондуктор, чей голос заставил меня нервно вздрогнуть. — Заходить будем?

Дар речи меня покинул, и все, на что я оказалась способна, это утвердительно кивнуть. Вышло не слишком уверенно, но мне и в голову не пришло усомниться в таком решении.

— Ну и чего тогда сидим? — подавляя зевок, осведомился кондуктор и посмотрел на наручные часы. — Уже выбиваемся из графика. Девушка, поторопитесь, будьте так любезны!

Последнюю фразу он гаркнул неожиданно громко, и я ментально подскочила с места. Рывком схватила многострадальную сумку, поставила ногу на нижнюю ступеньку лестницы, и меня тут же каким-то непостижимым образом забросило внутрь. Я упала на сиденье, раздался щелчок ремня безопасности, сумка плюхнулась у моих ног, и автобус тронулся с места.

— Ваш билет, пожалуйста. — Кондуктор, не глядя, сунул мне бумажный талончик.

— А... — попыталась спросить я.

— За вас уже уплачено.

— А...

— На место прибудем через девять с половиной минут. Может быть, чаю? — любезно осведомился кондуктор. — С молоком, с чабрецом, имеется какао. Могу предложить мятные леденцы.

— Простите, а куда мы едем? — не успевая справляться с потоком поступающей информации, все-таки осведомилась я.

— Ваша остановка — Большой Дом, — прозвучал ответ, за которым последовало повторившееся любезное предложение: — Может быть, все-таки чаю? Хотя посоветую вам остановить выбор на какао, к нему у нас подается вкуснейшая шоколадная плиточка.

Я помотала головой из стороны в сторону, скорее из желания отогнать преследующее меня наваждение, но кондуктор воспринял этот жест как ответ.

— Нет так нет. — Пожав плечами, он отвернулся.

Просто не находя подходящих слов и не зная, как на все это реагировать, я посмотрела в окно. Мы набирали высоту, но это

никак не ощущалось, и только вид за окном доказывал, что мы не стоим на месте. Внизу виднелись крыши многоэтажек, шумящие на ветру древесные кроны, лабиринты улиц, освещенных множеством огней, многочисленные парки и скверики.

В салоне слышался негромкий гул мотора и приятно пахло тем самым какао, от которого я так опрометчиво отказалась. Происходящее казалось совершенно ненормальным, но каким-то... захватывающим? Волшебным?

Вскоре автобус снова начал снижаться, и мы зависли недалеко от центрального района, рядом с трехэтажным зданием, вывеска на котором сообщала, что там находится игорный клуб. Дверца автобуса открылась, и внутрь вошел человек в маске. Он был очень высоким и худым, черный костюм висел на нем как на вешалке, а маска была абсолютно белой и закрывала все лицо, оставляя лишь прорези для глаз.

— Три эмоции за проезд, пожалуйста, — обратился к нему кондуктор.

Мужчина в маске протянул вперед руку и отсыпал в подставленную ладонь три плоские игровые фишки.

— Благодарю, — улыбнулся кондуктор. — Быть может, чаю? К какао мы подаем вкуснейшую шоколадную плиточку, имеются также мятные леденцы.

Новый пассажир к предложению остался безучастен, и кондуктор оставил его в покое. Я робко осмотрелась по сторонам, обернулась и убедилась, что, кроме нас троих, в салоне никого нет, не считая, разумеется, водителя.

— Не хотите сыграть? — неожиданно прозвучал низкий бархатный голос, и я не сразу сообразила, что обращаются ко мне.

В руках у мужчины в маске появился причудливый предмет, похожий на миниатюрный игровой автомат. Сбоку у него имелся специальный рычаг, и, когда длинные пальцы в белых перчатках на него надавили, на дисплее замелькали пестрые картинки.

— Начальная ставка — одна эмоция, — сообщил пассажир, обернув ко мне скрытое маской лицо.

— Нет-нет, — тут же отказалась я, машинально вжимаясь в спинку кресла. — Не хочу.

Настаивать мужчина не стал, и игровой автомат тут же исчез, будто его и не было. Вместе с ним исчезло и сковавшее меня оцепенение, сменившееся предельно четким осознанием: я нахожусь в компании неизвестно кого, на летающем автобусе, который едет неизвестно куда!

— Простите, — снова решилась заговорить с кондуктором, мысленно пытаясь сформулировать вопрос: — А я... еще жива?

Наверное, глупее вопроса и не придумать, но именно он волновал меня в первую очередь. Я явно не спала и так же явно находилась в трезвом уме и твердой памяти. Стало быть, либо я успела попрощаться с грешным миром и сейчас отправлялась на тот свет, либо...

— Ну, разумеется, вы живы, девушка, — опроверг мою теорию кондуктор. — В нашем автобусе еще никто не умирал!

Странно, но такое утверждение меня немного успокоило, и задавать дополнительные вопросы тут же расхотелось. Я по-прежнему живой человек — это самое главное, а остальное непременно объяснится позже... А если не объяснится?

Черт! Наверное, только со мной, обладающей потрясающим умением попадать в нелепые ситуации, мог происходить такой бред!

И только я со своей мечтательностью и оторванностью от реальности могла сесть в сомнительный летающий автобус...

Через пару минут мы снова сделали остановку, и на этот раз автобус завис достаточно высоко над землей, прямо около раскидистой кроны старого клена. Посмотрев в окошко, я увидела несколько маленьких шариков, похожих на горящих светлячков. Они окружали невысокую худенькую девочку, стоящую на одной из толстых ветвей. Ни за что не держась, она спокойно прошла вперед, поставила ногу на лестницу и в следующее мгновение оказалась в салоне. Оставшиеся снаружи светлячки друг за другом полетели обратно и затерялись где-то в шумящей листве.

— Три эмоции за проезд, пожалуйста, — проговорил кондуктор уже знакомую фразу, и на этот раз в его протянутую ладонь упали три маленьких зеленых листочка.

В то время как девочка занимала место, наши взгляды встретились, и я бы не взялась утверждать, чей выражал большее изумление. Если мужчина в маске хотя бы как-то вписывался в образ обычного человека, то этот ребенок стоял где-то за рамками нормальности. В ее густых, достающих до пояса каштановых волосах поблескивали капли, на белых щеках виднелись рыжеватые пятнышки, похожие на слившиеся вместе веснушки, а на голове торчали маленькие... оленьи рожки. Сперва мне подумалось, что это просто обруч, но, присмотревшись внимательнее, я обнаружила, что они настоящие. Вместе с тем одежда девочки была вполне привычной: широкая юбка до колена, темные гольфы, туфли на плоской подошве и пиджачок, накинутый поверх тонкой кофточки.

— Человек, — потрясенно прошептала девочка-оленок, глядя на меня своими неестественно большими глазами.

Мы бы еще долго друг друга рассматривали, если бы снова не вмешался кондуктор:

— Должен заметить, ваша попутчица. Может быть, хотите чаю? С молоком, чабрецом, также могу предложить мятные леденцы. Рекомендую попробовать какао, к нему у нас подается вкуснейшая шоколадная плиточка.

Справившись с удивлением, девочка заняла одно из свободных кресел и попросила:

— Два леденца, пожалуйста.

Кондуктор просиял довольной улыбкой, и через несколько мгновений новая пассажирка посасывала небольшую зеленую конфету. К моему удивлению, села девочка прямо передо мной и, к еще большему удивлению, обернулась, протянув второй леденец.

— Съешь, — на грани слышимости произнесла она и, когда я отказалась, настойчиво повторила: — Съешь. Не то тебя учуют безымянные.

Звучало довольно жутко, и проверять, кто такие эти «безымянные», я не испытывала ни малейшего желания. Поэтому осторожно приняла предложенную девочкой конфетку и сунула в рот. Вкус оказался приятным и хорошо знакомым. Действительно, обычный мятный леденец.

— Остановка «Большой Дом», — провозгласил кондуктор, когда автобус в очередной раз остановился.

Наружу я выходила с долей опасения. Во-первых, потому что боялась упасть на ненадежной, обладающей странными повадками лестнице, а во-вторых, потому что понятия не имела, куда меня привезли. Судя по увиденному сквозь оконное стекло, мы находились где-то в районе городской черты.

— Спасибо, что воспользовались трансфером лучшей перевозной компании духов, — улыбнулся кондуктор, когда мои ноги коснулись твердой земли.

— До свидания, — не особо вникнув в смысл слов, машинально попрощалась я, в это же время рассматривая представшее предо мной здание.

Оно было довольно старым и явно нежилым: в четыре этажа, стекла в некоторых окнах разбиты, ступени на широком крыльце пестрели выбоинами. Растущие рядом деревья, по всей видимости, являлись такими же старожилками — большой, с толстым стволом и потрескавшейся корой дуб так точно. Судя по стилю, это здание было построено еще в дореволюционные

времена, в то время как остальные, стоящие поблизости, являлись самыми обычными бетонными многоэтажками.

Над головой вновь послышалось гудение мотора, но на сей раз — удаляющееся. Проводив взглядом набирающий высоту автобус, я обернулась к вышедшей со мной девочке, но ее рядом уже не было.

— И что теперь делать? — зябко поежившись, спросила у самой себя.

Несмотря на стоящее днем тепло, ночи были прохладными, и сейчас я жалела, что положила ветровку на самое дно сумки. Стоять на месте было попросту глупо, равно как и бродить по незнакомому району. Поэтому, решив подумать об абсурдности случившегося несколько позже, я подошла к входной двери. Замка на ней не было, а вместо привычной ручки висело тяжелое металлическое кольцо, которым я и постучала.

Не прошло и пары секунд, как в доме послышались стремительно приближающиеся шаги, дверь резко отворилась и на пороге появилась раскрасневшаяся девушка. С виду вполне обычная — никаких рожек, масок и прочих странностей.

— Все, достали! — обернувшись, крикнула она кому-то позади себя. — Довели! Чтоб вам всем под землю провалиться! И не найдете вы больше дуры, согласной работать в таком дурдоме!

Зыркнув на меня влажными глазами, девица спустилась с крыльца и зашагала прочь, таща за собой подпрыгивающий на выбоинах чемодан.

Я даже осознать ничего не успела, как в дверном проеме показался высокий рыжеволосый мужчина в квадратных очках. Он окинул меня быстрым взглядом, и его губы изогнулись в теплой улыбке:

— Вы, должно быть, наша новая работница? Прощу, проходите.

Услышав слово «работница», я на миг оцепенела, после чего решительно вошла внутрь, не задумываясь ни о чем. А когда за спиной тихо закрылась дверь, замерла на месте как вкопанная.

Глава вторая, в которой сказка становится реальностью

Одна за другой загорались маленькие, висящие под потолком лампочки, все больше освещая просторный холл: красную ковровую дорожку на светлом глянцевом паркете, персиковые

обои и стойку, смутно напоминающую... ресепшен. В воздухе витал запах кофе, чего-то сладковатого и свежей краски.

— Идите за мной, — велел рыжеволосый, уверенно направившись вперед по уходящему вглубь дома коридору.

Отмерев, я двинулась следом, по-прежнему не понимая, как внутри такой развалюхи может быть сделан новый ремонт. Да и сами помещения казались слишком просторными для размеров дома, из-за чего возникло впечатление, будто я только что смотрела на одно здание, а вошла в совсем другое.

Рыжеволосый распахнул находящуюся в конце коридора дверь и пропустил меня вперед. Мы вошли в самый обычный на вид кабинет. Здесь имелся небольшой книжный шкаф, диванчик и стол, на котором возвышался светящийся монитор. Рядом пристроилась кружка с недопитым кофе, а на спинке стула — небрежно брошенный пиджак.

Заняв место за столом, мужчина предложил мне присесть в стоящее напротив кресло. У меня возникло чувство дежавю: кажется, я только-только находилась в таком же положении, приходя устраиваться продавцом. Только вот сидящий передо мной молодой человек был куда приятнее замученного, обремененного ворохом дел дядьки. И компьютерной мышкой он не клцал, и смотрел прямо на меня. Дружелюбно так смотрел, с улыбкой.

— Юлия, — произнес потенциальный работодатель, и я, не ожидавшая, что он знает мое имя, невольно вздрогнула. — Меня зовут Кирилл, можно просто Кир. С завтрашнего дня вы можете приступать к своим обязанностям. В них входит: уборка номеров утром и вечером, уборка холла и конференц-зала, а также двух гостиных. Необходимо следить за порядком в коридорах, убирать и подготавливать бани. Вам предоставляется жилая комната здесь же, в Большом Доме, с личной ванной и балконом. Заработная плата составляет пятьдесят тысяч рублей в месяц, плюс возможные чаевые. График работы подразумевает один выходной в воскресенье и режим работы с семи утра до девяти вечера.

Пока он спокойно и с исчезающей любезной улыбкой обрушивал на меня этот поток информации, я все больше и больше выпадала в осадок, радуясь, что сижу. После того как была озвучена причитающаяся за работу сумма, меня перестала волновать и должность горничной, и странности последнего получаса, да и все странности вообще.

Пятьдесят тысяч... Пятьдесят! Да я больше пятнадцати никогда не получала!

— О, разумеется... — Кирилл сделал короткую паузу, — если такие условия вам подходят и вы согласны у нас работать.

Я уже хотела выпалить, что согласна, но в следующую секунду меня кольнуло сомнение. Разве может обычная горничная получать так много? Откуда этот человек знает мое имя? И почему меня вообще привезли сюда на феноменальном летающем автобусе?

Вопросов было слишком много, и они все же перевесили жадность. Возникло чувство, что я — маленькая, доверчивая мышка, которую радушно приглашают идти прямо в мышеловку, где находится большой и привлекательный кусок сыра.

Видимо, все мысли явственно отразились на моем лице, потому что Кирилл вновь улыбнулся и, внимательно на меня посмотрев, произнес:

— Ровно восемнадцать минут назад вы смотрели на звезды и просили о работе. Великий вас услышал и направил к нам в Большой Дом, где как раз освободилась подходящая должность. Вероятно, сейчас многое кажется вам непонятным, но поверьте, со временем вы привыкнете ко всем странностям. Вам выпал шанс решить многие из своих проблем, и на вашем месте я бы им воспользовался.

Звучало убедительно и неубедительно одновременно. Но единственное, что меня теперь волновало, это:

— Откуда вы знаете про звезды?

Мне подарили очередную улыбку и, проговорив «минуточку», перевели взгляд на монитор. По компьютерным клавишам застучали ловкие длинные пальцы, и через оговоренную минуточку Кирилл зачитал:

— Юлия Мартынова, двадцать лет. Окончила торговый колледж и три года работала по специальности. Однако работу свою никогда не любила, поскольку с самого детства мечтала стать иллюстратором. Всегда носит при себе папку с рисунками и любимый скетчбук, где рисует при любой удобной возможности. Список задолженных желаний: цветные карандаши, запрошенные в Новый год двухтысячного года, кукла как у подружки Лены в том же двухтысячном два раза, щенок лабрадора — это уже в две тысячи втором...

С каждым озвученным желанием, загаданным мной когда-то, я становилась все ближе к обмороку. Если бы Кирилл говорил о моем опыте работы, о фактах биографии, даже о семье, это не вызвало бы такой реакции. Но мои детские мечты и желания — те самые, потаенные, искренние, о которых не могла

знать ни одна живая душа, кроме моей собственной... это было слишком.

— Остановитесь, — попросила потрясенная я, выставив перед собой руку.

Кирилл тут же замолчал и, оторвавшись от монитора, вновь на меня посмотрел.

Я молчала, тяжело дыша и усиленно стараясь не выпасть из реальности. В конце концов, мы ведь не в девятнадцатом веке, где молодые барышни по поводу и без повода падают в обморок и приходят в себя только лишь от запаха нюхательной соли. А у меня вообще психика устойчивая, и к стрессам я привычная, и к неожиданностям — тоже...

Нет, к такому меня жизнь определенно не готовила!

В череду лихорадочных мыслей вписалась недавно увиденная сцена, где из старого полуразвалившегося здания выходит злющая, раздосадованная девица. Вероятно, как раз бывшая горничная, освободившая для меня место. И с чего бы она так спешила отсюда уйти?

А потом память услужливо подкинула напоследок сказанные кондуктором слова: «спасибо, что воспользовались трансфером лучшей перевозной компании духов».

Духов — с ударением на «у».

Мамочка моя родная и любимая...

Обуреваемая смятением и робкой надеждой на то, что ошибаюсь, я подняла глаза на Кирилла и глухо спросила:

— Скажите, а Большой Дом — это что за место?

— Это, — не отводя взгляда, ответил тот, — одна из лучших гостиниц дүхов. Здесь останавливаются как духи, обитающие в этом мире, так и приходящие из других. Так что вы скажете, Юлия?

Выразительное постукивание пальцев по столу, не менее выразительный, направленный на меня взгляд и по-прежнему обаятельная улыбка.

— Согласны у нас работать?

Наверное, логичным было ответить «нет». И многие на моем месте именно так бы и поступили. Но я вспомнила о родителях, о маленьком Сашке и об обещанной зарплате. А еще подумала о том, что мне выпала возможность стать причастной к пусть пока непонятной и подозрительной, но все-таки сказке.

— Согласна, — ответила я и тут же зажмурилась, страшась сделанного выбора.

Почему-то в голову пришла мысль, что сейчас меня заставят подписать договор на древнем как мир свитке и расписаться

кровью. Но вместо этого Кирилл извлек из верхнего ящика стола несколько листов обычной офисной бумаги, вставил их в принтер и распечатал такой же обычный контракт. Затем протянул его мне вместе с шариковой ручкой и предложением все проверить.

Собрав волю в кулак, а разлетающиеся мысли в кучку, я внимательно прочла документ. Все изложенное в нем было озвучено ранее с одной-единственной поправкой: по контракту я была обязана проработать не менее года. Решив, что это не так уж и много, я глубоко вдохнула и уверенно поставила на нем размашистую подпись. Следом контракт подписал Кирилл, а увенчал наше соглашение шлепок круглой синей печати.

— Поздравляю с новой должностью, Юлия. — Новый начальник улыбнулся еще теплее прежнего. — Надеюсь, работа у нас придется вам по душе.

А уж я-то как на это надеюсь! Но еще больше на то, что пожалеть о сделанном выборе не придется.

Поднимаясь из-за стола, Кирилл проговорил:

— Вчера мы закончили ремонт в холле, сегодня все получили выходной и разъехались. Поэтому Большой Дом вам покажут завтра, а пока я провожу вас до комнаты.

Я послушно проследовала за начальством на третий этаж, где мне указали на нужную дверь и вручили ключ. Затем Кирилл попрощался, пожелал хорошего настроения, приятного отдыха и удалился.

Комната мне понравилась сразу. Небольшая, но светлая и чистая. В наличии имелась полутораспальная кровать, деревянный комод с подходящим по стилю зеркалом, стол и обещанный выход на балкон, у которого раскинулся огромный дуб.

Бросив на пол сумку, я вышла подышать свежим воздухом и, что называется, проветрить голову. Роскошная древесная крона закрывала практически весь обзор, но частично улица все-таки просматривалась. Я даже увидела женщину, стоящую у одного из окон соседней пятиэтажки. А еще возникло странное чувство, будто меня, стоящую на балконе, никому не видно. На миг даже показалось, что балкон окружает нечто прозрачное и мерцающее, надежно скрывающее меня от посторонних глаз.

Положив руки на перила, я глубоко вдохнула ночной воздух и, глядя на самую яркую звезду, выдохнула:

— Спасибо...

Постояв еще немного, отправилась в душ. Водичка полилась чистая и горячая, в самой ванной имелась пара полотенец, мыло и гель — все как и полагается любому хорошему отелю.

Многострадальную сумку снова разбирать не хотелось, и мне в голову закралась заманчивая мысль — отложить это до завтра, но я не поддалась. То, что откладывается на завтра, у меня в лучшем случае выполняется через неделю. Так что долой лень!

Разложив и развесив все вещи, я с чистой совестью улеглась на кровать, прихватив скетчбук. Перекатившись на живот, раскрыла его и уставилась на незаконченный рисунок. Эту озорную рыжую девчонку я начала рисовать вчера вечером и застопорилась на руках. Уж сколько было прочитано книг, пересмотрено мастер-классов и видеоуроков — без толку. Все равно всегда с ними мучаюсь, даже несмотря на упрощение и стилизацию.

Пребывая под впечатлением от всего случившегося, рисовать я не могла. Поэтому лишь пролистывала листок за листком и, смотря на старые работы, думала о другом. О том, как докатилась до полетов на автобусе, общения с девочками-оленьями и устройства на работу в гостиницу духов.

Взгляд задержался на рисунке монстрика. Это был милый монстрик — зеленый, круглый и пушистый, нарисованный год назад под впечатлением от просмотренного мультфильма. Наверное, как раз из-за любви к сказкам и фэнтези я и восприняла новость о существовании духов относительно легко. Все-таки не зря меня называли фантазеркой и неисправимой мечтательницей. По крайней мере, до тех пор, пока неинтересная работа не задушила меня рутиной. Только иллюстрации и спасали...

Сонливость накатила, когда циферки на дисплее телефона показали без пяти минут одиннадцать. Выключив висящий на стене ночник, я зарылась под тонкое, приятно пахнущее свежестью одеяло, и закрыла глаза.

Вот что ненавижу искренне и всеми фибрами души, так это когда ночью внезапно становится жарко! Вроде и спать хочется, и одеяло тонкое, а все равно начинаешь крутиться с боку на бок и никак не можешь провалиться в сон.

Раскрылась — не то, слишком прохладно.

Укрылась — тоже не то, слишком жарко.

Раскрылась наполовину и высунула из-под одеяла одну ногу — идеально...

А потом вспомнила про живущих под кроватью монстров. Тут же мысленно себя отругала: это в детстве их нормально бояться, а мне уже, на минуточку, двадцать лет! Под кроватью никого нет и быть не может. И нога моя никому не нужна. Никто и никогда меня за нее не схватит. И вообще, глупо думать, будто

одеяло может служить для кого-то преградой. Можно подумать, какой-нибудь монстр или маньяк войдет в комнату, увидит, что я прячусь под одеялом, пожмет плечами и уйдет искать другую жертву.

Мысли кружили хороводом, и я медленно-медленно засыпала...

— Ты это видишь, бро? — снился мне чей-то низкий голос.

— Вижу, бро, — отвечал ему другой, похожий на мультяшный.

— Хватаем, бро?

— Хватаем, бро!

Вслед за этим моей пятки коснулось что-то мягкое, и стало очень щекотно. Я машинально дернула ногой, и пятку обхватили крепче.

Сон слетел моментально, буквально в один миг! Одна перепуганная новоявленная горничная резко открыла глаза, и уже в следующую секунду гостиницу сотряс ее громкий крик! Орала я недолго, но во всю мощь голосовых связок и пока из груди не вышел весь воздух.

Видимо, напуганные таким звукоизвлечением, неизвестные так же в один миг отпустили меня, а затем под кроватью послышался шорох.

Мне стало нехорошо. Очень-очень нехорошо.

Резко сев и подобрав под себя ноги, я дотянулась до выключателя, и комнату озарил неяркий желтый свет. Вооружившись скетчбуком, горящим мобильником и сдув упавшую на лоб прядь, я медленно подползла к краешку кровати. Замерла. Встала на ноги. Собралась с духом и резко спрыгнула, стараясь оказаться как можно дальше.

— Там никого нет, там никого нет, — как мантру повторяла я про себя, опускаясь на колени и намереваясь заглянуть под кровать.

Смотреть туда было чертовски, просто до одурения страшно! Но я хотела убедиться, что некто, ухвативший меня за ногу, — всего лишь игра моего воображения, подкрепленного странно-стями реальности.

— Там! Никого! Нет! — уверенно произнесла я еще раз и, протянув вперед мобильник, посмотрела под кровать.

Далее произошло несколько вещей. Во-первых, рука дрогнула и телефон упал на пол. Во-вторых, два довольно крупных пушистых чуда попытались выскользнуть из-под кровати и прошмыгнуть к двери, но у них не вышло. А не вышло, потому что, в-третьих, я опять заорала.

Чуды упали на меховые пятые точки, воззрились на меня огромными навывкате глазами и, дождавшись, пока я проорусь, синхронно выдали:

— Дратути.

Наверное, если бы не окончательно покинувший меня дар речи, я бы заорала еще разок. Но вместо этого лишь открывала и закрывала рот, продолжая держать наперевес блокнот и готовиться к самообороне.

— А чего она не здоровается, бро? — не отрывая от меня взгляда выпученных глаз, поинтересовался обладатель мультяшного голоса.

— Не знаю, бро, — отозвался низкоголосый. — Зато пугается, как положено.

Еще с полминуты я продолжала изображать выброшенную на берег рыбу, а после с придыханием спросила:

— А вы... кто... такие?

Чуды переглянулись и, снова на меня уставившись, одновременно ответили:

— Подкроватные монстры мы. Ты о нас вспомнила, вот мы и пришли.

— А я и раньше о вас вспоминала, — зачем-то поделилась я. — Чего в прежние времена не приходили?

— Так мы, в смысле собратья наши, приходили, наверное, — отозвался мультяшный. — Только ты нас не видела.

— Ага, — задумчиво кивнула я, как будто мне что-то стало понятно. — А вы это... выйти из-под кровати можете?

Спросив, тут же отползла назад, спешно поднялась на ноги и замерла, все еще удерживая несчастный скетчбук. Когда чуды выползли на свет, оказалось, что они не такие страшные, какими мне представлялись в полумраке, а где-то даже милые. Тот, что говорил низким голосом, был толстым и полностью покрытым темно-фиолетовой шерстью, имел огромные руки-лапы и такие же огромные когтистые ноги. Другой отличался синим цветом шерсти, ярко-желтыми глазами и крошечным, сложенным в трубочку ртом.

Рассмотрев подкроватных монстров во всей их ужасной красе, я поинтересовалась:

— Хорошо, из-под кровати вышли. А из комнаты можете?

Парочка переглянулась, вздохнула и понуро поплелась к двери. Затем обернулась, бросила на меня обиженные взгляды и неожиданно растеклась по полу, после чего проскользнула в щель между дверью и полом.

Я думала, что после такой встречи заснуть точно не смогу. Но, напротив, сон накрыл меня моментально, стоило голове коснуться подушки. Видимо, из-за пережитого стресса спала я очень крепко. Даже несмотря на жару из-за натянутого до самых глаз одеяла.

**Глава третья,
в которой коты носят чемоданы,
а с монстров пишутся портреты**

Проснулась я рано и этому факту очень обрадовалась, поскольку накануне забыла завести будильник. По паркету и бежевым обоям прыгали солнечные зайчики, навевающие тепло и дарящие прекрасное настроение.

Утро, начинающееся с кофе, — хорошее утро. А утро, начинающееся с солнца, — просто отличное!

Вскоре в комнату вошла девушка, которой на вид можно было дать лет двадцать пять.

— Извини, что без стука, — бросила она, явно ничуть не раскаяваясь по этому поводу. — Я принесла твою форму.

Передо мной положили выглаженное красное платье длиной примерно до колена и белый передник. В общем и целом типичная форма типичной горничной. Только цвет яркий.

— Здесь туфли, — поставив на пол обувную коробку, девушка протянула мне руку и представилась: — Алена.

— Юля. — Я ответила на рукопожатие и решила сразу прояснить: — А ты тоже дух?

Не сводя с меня скептического взгляда, Алена надула пузырь из жвачки, и когда тот лопнул, усмехнулась:

— Не-а.

Только я мысленно выдохнула и обрадовалась компании нормального человека, как она огорошила:

— Медиум. Посредник между людьми и духами. Слабый, правда, поэтому только на роль горничной и гожусь.

Не удержавшись, я рассмотрела ее внимательнее, но так и не заметила ничего странного или сверхъестественного. Черные кудрявые волосы до плеч, красный обруч, довольно приятное лицо. Ноги худые и немного кривоватые, стандартная форма горничной и черные балетки. Словом, на вид самый обычный среднестатистический человек!

— Как соберешься, приходи на кухню, — велела Алена, выходя за дверь. — Только через ресторан не вздумай идти, войдешь через черный ход!

О том, где именно находится кухня, я спросить не успела. Но, решив, что отыскать ее не составит особого труда, принялась готовиться к первому рабочему дню. Умывшись, облачилась в выданную форму, которая подошла идеально, как и обувь. Волосы я собрала в привычный высокий хвост, немного подкрасилась и, довольная своим внешним видом, отправилась добывать завтрак.

Предположив, что ресторан может находиться на первом этаже, я спустилась вниз. Во всяком случае, именно там он располагался в отеле, где я жила последние две недели. В дневном свете гостиница виделась еще симпатичнее, чем вчера. Она оказалась очень светлой, с иногда встречающимися яркими акцентами. Такими, как красные напольные вазы, цветы и ковровые дорожки.

Дойдя до конца коридора, я наткнулась на ведущую вниз лестницу.

Хм... цокольный этаж? Вряд ли там может располагаться ресторан.

Уже разворачиваясь в намерении уходить, я внезапно уткнулась во что-то твердое. Ойкнув, отступила на шаг назад и едва не полетела вниз по лестнице, в последнюю секунду успев схватиться за перила и сохранить равновесие.

Чем-то твердым, к моему величайшему изумлению, оказалась мужская грудь. Собственно, ее обладатель стоял прямо передо мной и сурово взирал с высоты своих не менее ста восьмидесяти сантиметров.

Я успела отметить светлые, лежащие в беспорядке волосы, висящий на цепочке медальон и черный плащ, прежде чем мужчина с сомнением спросил:

— Человек?

— Новая работница. — Ответ прозвучал тихо и несколько жалко, за что я мысленно надавала себе оплеух.

Мужчина окинул меня быстрым взглядом с ног до головы и, явно обратив внимание на униформу, хмыкнул:

— А, прислуга.

Я смотрела на эти как минимум сто восемьдесят и тихо зверела. Нет, по сути-то он правильно сказал. Но самое главное — *как* он это сказал. Словно я букашка какая-то, таракан безродный... монстр подкроватный!

Пока я силилась найти подходящие слова, а после искала смелость, чтобы их высказать, черный плащ бесцеремонно отеснил меня в сторону и принялся спускаться по лестнице. Смотреть на целых сто восемьдесят сверху вниз было довольно приятно.

— А вы не подскажите, где здесь ресторан? — все-таки решилась крикнуть ему вдогонку и крикнуть совсем не то, что собиралась.

— Конец коридора — левого от центрального входа, — не оборачиваясь, ответил мужчина, и я тут же простила ему пренебрежительное «прислуга».

Направляясь по указанному маршруту, я даже не предполагала, насколько крупно меня подставили. И насколько мелкая у некоторых совесть, если таковая у них вообще имеется.

В конце обозначенного коридора действительно находилась дверь, в которую я и вошла. А войдя, тут же оторопела и не сразу поняла, куда попала. Это была небольшая, лишенная окон комната, и оттого очень темная. Сначала показалось, что в ней никого нет, но уже вскоре в темноте загорелись большие желтые глаза и показалась чья-то раззявленная пасть, размером с меня. Увидев это, я рывком закрыла дверь и, не разбирая дороги, помчалась прочь. Даже думать не хотела, что это было за существо!

«Ресторан там, как же, — мысленно возмущалась я. — Только если закуска — я!»

Уточнив месторасположение ресторана у стоящего на ресепшене администратора, которым, к слову, тоже оказался обычный с виду человек, я пошла в указанном направлении. Ресторан все-таки находился на первом этаже, и на сей раз мне удалось его отыскать довольно быстро.

В то время как я переступала порог кухни, Алена уже заканчивала завтракать. Помимо нее здесь не было ни души... точнее, это вначале я так подумала. И думала вплоть до тех пор, пока передо мной — присевшей за столик, не опустились ложка с вилкой, тарелка с омлетом и беконом, а также чашка кофе, увенчанная шапочкой взбитых сливок.

— Знакомься, это Вилли, — представила Алена невидимку. — Наш шеф-повар и по совместительству дух специй. Какие он пряные кексы делает, закачаешься! За ужином попробуешь.

— П-приятно познакомиться, — с запинкой пробормотала я, неотрывно глядя на движущиеся в воздухе белые перчатки, передник и поварской колпак.

— Ты быстрее ешь, — поторопила меня Алена. — Смена вот-вот начнется, а у нас тут все строго по расписанию.

Во время ускоренного поглощения умопомрачительной, надо отметить, пищи я расспрашивала Алену об особенностях нашей работы и местных постояльцах. Это волновало в первую очередь. С ее слов, персонала здесь было совсем немного. Горничных имелось три: сама Алена, некая Аня, у которой сегодня выходной, и я. Мои умозаключения оказались верны, и девица, с которой довелось столкнуться вчера, являлась бывшей горничной. Да к тому же потомственной ведьмой. Администратор, которого мне уже довелось увидеть, был медиумом.

— Только гораздо более сильным, — добавила Алена, мечтательно возведя глаза к потолку.

Я тут же сделала себе заметку: никогда и ни при каких обстоятельствах не флиртовать с симпатичным брюнетом. Мало того что служебные романы и так нигде не приветствуются, так еще и Аленка, кажется, неровно к нему дышит.

— Ну и хозяин, разумеется, — подытожила Алена. — Кирилл у нас самый главный, и он — маг. Говорят, пришел сюда около двухсот лет назад из другого мира, но вот из какого именно, никто точно не знает.

После ее слов воздух рядом со столиком подозрительно завибрировал: к нам подлетел шеф-повар. Судя по расположению белых перчаток, он сложил руки на груди, а судя по источаемой энергии — пребывал в недовольстве.

— А, ну и Вилли, конечно, — охотно добавила Алена. — И еще некоторые мелкие духи, но они скорее на подработке, и мы с ними особо не контактируем. Запомни, твоя задача убирать, постараться оставаться незаметной и лишней раз не заговаривать с постояльцами. Да, и еще. Самое сложное — это убирать и подготавливать бани, но этим мы занимаемся втроем одновременно, плюс еще участвуют духи-помощники. В остальном работа вполне сносная.

Алена скосила глаза на настенные часы и резко поднялась с места:

— Так, все. Завтрак окончен. Что не съела, то протухло!

Схватив под руку, она заставила меня встать из-за стола и еще жующую потащила за собой. Мы выбежали в коридор, откуда стремительно направились к подсобке. Мне была всучена швабра, ведро и перчатки, а также объяснено, с чего начинать.

Собственно, начинать предполагалось с уборки холла. Набрала воды и надев выданные перчатки, я взялась за дело. Изначально мне было непонятно, что здесь можно убирать, если

холл с самого утра блистал чистотой. Но как только я сюда вернулась, обнаружила на глянцевом паркете некрасивые грязевые разводы. И вот спрашивается, откуда? На улице дождя как минимум полмесяца не было!

Пока я драила полы, мимо несколько раз проходили постояльцы, так что оставаться незамеченной у меня получалось плохо. И вообще-то, в том не было моей вины: как расписание составили, так и работала.

Где-то через час, когда мне следовало подняться этажом выше, входная дверь распахнулась, и, посмотрев в открытый дверной проем, я опешила. Даже мокрую тряпку из рук выронила, и та упала в ведро, наделав кучу брызг. Причиной моему изумлению была вовсе не входящая в гостиницу девушка (хотя и она тоже), а находящийся позади нее вид. Вместо городской улицы там виднелось поле с белой, покрытой инеем травой, и такое же белое небо, с которого сыпался снег.

Вошедшая девушка, оказавшаяся обладательницей длинных белоснежных волос, белоснежных же кошачьих ушек и пушистого полусубка, едва ли обратила на меня внимание. Поистине царственной походкой прошествовав до ресепшена, она величественно кивнула администратору, и тот тут же рассыпался в любезностях.

А мне пришлось снова протирать пол, потому как изящные сапожки оставили на нем мокрые лужи. И, к слову, не только сапожки, но и кошачьи лапы. К своему повторному изумлению, я заметила, как следом за новой постоялицей просеменили четыре милейшие белые кошечки, лапки которых знатно наследили на только что вымытом паркете. Над каждой из кошечек летел белый чемодан, габаритами превышавший их всех, вместе взятых. И после того как администратор заполнил необходимые документы, кошки вместе с чемоданами проследовали за своей хозяйкой наверх.

Чудеса, да и только...

Когда вся компания скрылась из виду, я бросила на администратора быстрый взгляд и, делая вид, что тщательно убираю, незаметно подошла к двери. Прямо-таки руки чесались ее открыть! Пойдя на поводу у этого желания, я надавила на ручку и робко высунулась наружу.

Взгляду предстали обыкновенные, скучные многоэтажки, заасфальтированная улица и пестрящий выбоинами тротуар. Где-то сиротливо орал кошка, явно не имеющий отношения к причудливым белоснежным кошечкам, а неподалеку женщина

с кислой миной обмахивалась газетой и предлагала прохожим купить мороженое.

Остаток рабочего дня прошел на удивление спокойно. Я занималась делами, наводя в гостинице чистоту и оттачивая навыки невидимки. За все это время успела навидаться самых разных духов, некоторые из которых выглядели вполне безобидными, а некоторые так, что хотелось бросить швабру и убежать подальше. К числу последних относился гигантский толстяк невнятного пола и невнятного вида. Он чем-то походил на слона, ходящего на задних ногах и имеющего маленькие, практически незаметные уши. А еще три рога — два торчали на макушке, а один, особо длинный — на лбу. Именно в номере этой помеси слона с носорогом я прибиралась, когда он неожиданно и раньше положенного вернулся с обеда.

Быстренько поправив на кровати покрывало и скомканно извинившись, я попыталась прошмыгнуть в коридор, но постоялец преграждал мне путь своим крупногабаритным телом.

— Прошу прощения, — пискнула я, протискиваясь по стеночке. — Не могли бы вы...

Вместо того чтобы посторониться, дух издал невнятный мычащий звук и еще больше меня прижал. После чего невнятный звук издала уже я, начав задыхаться от нехватки кислорода.

— Уф-ф-ибо, — промывчали, обращаясь ко мне.

По-видимому, это невнятное «уф-ф-ибо» переводилось как «спасибо», и я даже нашла в себе силы выдать:

— На здоровьечко...

А затем, поднапрягшись, все-таки сумела высвободиться из плена зажимающей меня туши и выскользнуть в коридор. Правда, швабра застряла и пришлось приложить немало сил, чтобы еще и ее спасти от незавидной участи быть раздавленной.

— И это вот духи?! — в ужасе возмущалась я, несясь на первый этаж. — Лучше бы они были нематериальными и умели проходить сквозь стены!

Впрочем, как мне вскоре пришлось убедиться, становиться нематериальными они умели очень хорошо, только не считали нужным делать это в гостинице. Более того, в Большом Доме такой привилегией обладали только упомянутые Аленой духи-помощники, а для остальных это считалось проявлением дурного тона.

Целый день входная дверь не закрывалась, пропуская все новых и новых гостей. Из-за ремонта их всех выселили на одну неделю, а теперь они возвращались обратно.

Вечером, после того как в гостиничном ресторанчике были накрыты столы, мы с Аленой тоже пришли на кухню, чтобы поужинать. Обед выдался скромным, я была зверски голодна и на еду буквально набросилась.

И все-таки Вилли поистине мастер специй! Такой сочной свинины под пряной корочкой я не ела ни разу в жизни, а уж фирменные кексы... За такую вкусноту можно умереть!

— Ну, как первый рабочий день? — поинтересовалась Алена, отхлебнув холодный зеленый чай.

— Ты знаешь, вполне сносно, — проговорила я, уплетая второй по счету кекс. — Только странно все, непривычно пока. Вот, например, само расположение гостиницы. Сегодня к нам заселялась... э-э-э... не знаю, как правильно назвать... белая девушка-кошка. Так вот, когда она входила, я увидела за ее спиной заснеженное поле. А потом, когда выглянула на улицу, — снова наш родной город. Как так?

Отставив чашку, Алена отправила в рот неизменную мятную жвачку и, разжевав ее, пояснила:

— Духи приходят к нам из разных миров. Как правило, в параллельных мирах появляется соответствующая дверь, войдя в которую, они попадают к нам. Ведь Большой Дом — это не только гостиница для духов, но еще и проход между мирами. Таких гостиниц в нашей стране всего две, а по всей земле что-то около двадцати.

Я мысленно присвистнула: не так уж и много. Но, сколько ни пыталась, все равно не могла понять принцип работы этих дверей и осознать существование множества миров. Да и задумываться об этом не слишком-то хотелось. Работа есть, жилье есть, деньги платят, а остальное не имеет значения.

— Слушай, я вот еще что спросить хотела, — подавшись вперед, я зачем-то понизила голос до полупшепота. — А что это за существо такое обитает в темной комнате, последней по левому коридору?

Алена несколько раз непонимающе моргнула, надула пузырь, после чего хмыкнула:

— А, ты о Котике? Что, уже успела к нему наведаться?

Я чуть с табуретки не упала и неверяще переспросила:

— Котике?

— Ну да, Котике, — ничуть не смутилась моей реакцией Алена. — Это дух-хранитель Большого Дома. Люди таких, как он, все чаще домовыми называют.

Только я собралась расспросить об этом подробнее, как ощутила позади себя чье-то присутствие. Очередной жвачный

пузырь звучно лопнул, и Аленка, вмиг подобравшись, с улыбкой приветствовала:

— Добрый вечер, Герман.

Германом оказался тот самый бессовестный тип, который вместо кухни отправил меня в комнату к Котику. Скользнув по мне беглым взглядом, он подошел к колдующему над большой кастрюлей повару и выразительно побарабанил пальцами по крышке стола.

Заметив его, Вилли тут же оторвался от своего занятия, подлетел к холодильнику и извлек оттуда несколько сырых бараньих ног. Как такие огромные куски мяса поместились в достаточно скромный по размерам холодильник, я не поняла, но предположила, что это снова магические штучки.

Пока Герман перекладывал мясо в большой мешок, я беззастенчиво его рассматривала. Странно, но возникло такое чувство, будто мы уже прежде встречались. И не здесь, не около лестницы, а гораздо раньше. Резкие черты лица казались смутно знакомыми, но я списала это на разыгравшееся воображение.

Когда Герман, как заправский не то охотник, не то викинг, перекинул мешок с мясом через плечо и удалился из кухни, я тут же принялась расспрашивать о нем Алену. Мой кучерявый, жующий жвачку справочник устал выдавать сведения и делал это с большой неохотой.

— Герман — безымянноборец, — подперев подбородок рукой, со скучающим видом сообщила Алена. — Безымянные — это такие сущности, которые не имеют определенной формы и пожирают других духов, а иногда и людей. Таких, как Герман, очень мало, и им приходится туго, потому что безымянных великое множество. И если в нашем мире ситуация более менее нормальная, то в других дела обстоят хуже.

Поднапрягшись, я вспомнила, что уже слышала о безымянных от девочки-олenenка, с которой летела в автобусе.

— А мятные леденцы как-то от них защищают? — спросила я, припомнив сказанные ею слова.

— Не леденцы, — возразила Алена. — Сама мята. Безымянные не могут видеть, они только чувят. А эта травка хорошо сбивает их с толку.

Дальнейшие расспросы пришлось отложить на потом, так как Алена отвечать отказалась, сославшись на усталость. Я же мысленно сделала заметку номер два: в ближайшее время последовать ее примеру и обзавестись мятной жвачкой. А еще пить как можно больше мятного чая. И вообще свежую мяту

почаще есть — как оказалось, она росла прямо во внутреннем двореке гостиницы.

Вернувшись к себе в комнату, я с удовольствием переоделась в шортики с майкой и, с ногами забравшись на кровать, включила ноутбук. Проверила соцсети, повздыхала над отсутствием новых сообщений и, включив музыку, засела за рисование. Любовно разложила перед собой цветные маркеры, карандаши, привычно провела по ним кончиками пальцев и взялась за дело.

Дорисовать руки на позавчерашней иллюстрации получилось быстро. Результатом я осталась довольна и сразу же приступила к созданию нового рисунка. Хотелось нарисовать что-нибудь такое... этакое!

Когда уже было принято решение изобразить очередную милую девчущку, из-под кровати донеслись знакомые голоса:

— Что она делает, бро?

— Рисует, бро.

И тут мне в голову пришла потрясающая идея. Велев подкроватным выползать на свет, я еще раз внимательно к ним пригляделась. Чуды были своеобразными и очень колоритными. Такими, что пальцы сами обхватили карандаш и принялись выводить на бумаге набросок.

— А теперь что она делает, бро? — снова спросил фиолетовый.

— Теперь нас рисует, бро, — мультяшным голосом ответил ему синий.

Чуды мгновенно приосанились, выпятив вперед меховые животы.

И вот на бумаге появились две стоящие бок о бок фигурки: толстенькая и худая. Постепенно они дополнялись деталями, обзаводились глазами и ртами, большими лапами и ворсинками меха...

Чуды позировали как профессиональные натурщики. Стояли, не шелохнувшись и лишь изредка переглядываясь да обмениваясь короткими фразами.

— А чего она язык высунула, бро?

— Должно быть, от усердия, бро.

Ну да, есть у меня такая не очень красивая привычка, от которой никак не могу избавиться.

Пожалуй, эта была одна из самых быстрых моих иллюстраций, которая к тому же полностью меня удовлетворила. После ее завершения подкроватные выказали желание посмотреть на себя любимых и, увидев портреты, пришли в полный восторг.

Меня даже простили за то, что вчера так бесцеремонно их выставила.

— Только одно плохо, бро, — вздохнул синий, почесав нос.

— Что, бро? — тут же встрепенулся другой.

— Она нас теперь бояться не будет.

И две пары глаз уставились на меня со смесью робости и надежды.

— Ну да, — подтвердила их опасения я, аккуратно пристраивая блокнотик на стол. — Но ничего плохого в этом не вижу. А если вам все же так хочется, чтобы вас боялись, могу заверить — ногу из-под одеяла из-за страха, что вы схватите, высывать не буду.

Чуды просияли и тут же сникли.

Я удивилась:

— Что опять не так?

— Так это, — промямлил фиолетовый. — Мы же пугать должны. А кого пугать, если все люди интуитивно нас чувствуют и ноги прячут?

Вот так задачка. Они бы хоть сами определились с тем, что им на самом деле нужно. Чтобы поднять чудам настроение, я подарила им сделанный рисунок, чем они остались крайне довольны.

Сегодня из комнаты монстрики не выплывали, превращаясь в невнятную лужицу, а выходили пританцовывающей походкой. А синий при этом с гордостью держал рисунок на расстоянии вытянутой руки и не переставал им любоваться.

— Пойдем похвастаемся, бро!

— Пойдем, бро!

И чуды ушли, тихо прикрыв за собой дверь.

Глава четвертая, в которой желе наносит удары, а нахалы летают на змеях

Этим утром меня разбудил доносящийся с улицы шум. И будь это гул проезжающих мимо машин или вопли дебоширов, я бы продолжила спать, дожидаясь звона будильника. Но долетающие до меня звуки были не очень громкими, странными и навевающими смутную тревогу.

Присев на кровати, я зевнула и, силясь не закрывать глаза, вышла на балкон. Немного перегнулась через перила, глянула

на улицу, и весь сон тут же слетел. Увиденное повергло меня в такой шок, что я едва не свалилась вниз!

Прямо перед гостиницей мелькали неясные полупрозрачные штуки, похожие на человекообразное желе. Их было порядка десяти, и они окружали тяжело дышащего Германа. Тот, в свою очередь, пытался одновременно и отмахиваться, и обхватывать желе руками. Если Герману удавалось его сжать, то желе лопалось, разваливаясь на мелкие куски, которые в следующую секунду бесследно исчезали.

Я продолжала оторопело смотреть на разворачивающуюся под окнами сцену до тех пор, пока не заметила на рубашке Германа бурые пятна. Я всегда боялась крови, и в первый момент перед глазами поплыло, но уже через мгновение мне удалось взять себя в руки.

Не задумываясь над своими действиями, выбежала из комнаты и бросилась вниз. Наверное, следовало позвать кого-нибудь на помощь, но я была слишком шокирована, чтобы мыслить трезво. Все, о чем думала: человек ранен и ему требуется помощь.

Больше всего я боялась, что, открыв дверь, окажусь в каком-нибудь параллельном мире, но, к счастью, обошлось. Выскочив на улицу, я побежала прямо к Герману, который в это время добивал оставшихся безымянных. То, что это именно безымянные, я поняла еще в тот момент, когда впервые их увидела.

Безымянноборец сжал последнего, и тот повторил судьбу собратьев, разлетевшись на неопрятные колышущиеся куски, в следующее мгновение растекшиеся по асфальту. Тяжело дыша, Герман привалился к забору и только теперь заметил меня, прибежавшую на подмогу.

— В Доме не сидится? — прищурившись, хмуро спросил он.

— У вас... у вас кровь, — проигнорировав вопрос, пролепетала я. — Нужно кого-нибудь позвать! Врача или...

— Никого звать не надо, — с мрачным спокойствием возразил Герман, и всякое желание спорить тут же пропало.

Но вот желание оказать помощь — нет. Герман был бледным и заметно пошатывался, а светлая рубашка все сильнее пропитывалась кровью. В который раз за последнее время собрав волю в кулак, я решительно приблизилась и, подставив плечо, велела:

— Обопритесь.

А вот на этот раз спорить не стал уже Герман и послушно выполнил требуемое. Помогая ему подниматься по полуразвалившимся ступеням, я спросила, в каком номере он живет, на что получила исчерпывающий ответ: «Вниз по лестнице». Хоте-

лось верить, что на этот раз он не врет и мы действительно придем в его комнату, а не к какому-нибудь... Котику.

Время было раннее, все постояльцы, как и персонал, еще спали. В гостинице стояла тишина, которую нарушал только звук наших шагов и хрипкое дыхание Германа. Выглядел он откровенно неважно, и меня это сильно беспокоило. Спустившись по той самой лестнице, мы оказались перед одинокой дверью, войдя в которую, попали во вполне обычную комнату. Единственное, что отличало ее от остальных — это небольшие оконца, расположенные под самым потолком.

Уложив раненого на кровать, я хотела было включить свет, но он не позволил.

— Спасибо, — сухо поблагодарил Герман, чтобы тут же сказать грубость: — Теперь можешь проваливать.

Я бы и рада, но совесть не позволяла. И ведь понимала, что толку от меня немного, и раз безымянноборец требует уйти, значит, необходимо послушаться. Но у неожиданно проснувшейся совести было свое мнение на этот счет, и она, вопреки здравому смыслу, заставляла меня задержаться.

— Какое из слов во фразе «можешь проваливать» тебе непонятно? — уже злее спросил Герман. — Твое присутствие меня раздражает, а ты сама бесполезна, поэтому нечего стоять здесь столбом!

Совесть получила крепких тумачков от гордости и, развернувшись, я направилась к двери. Да пожалуйста! Очень мне хотелось помогать всяким истекающим кровью хамам!

Только моя рука легла на дверную ручку, как с кровати донесся глухой, полный боли стон.

Я на миг замерла. Мысленно выругалась. Отпустила ручку и стремительно приблизилась к стоящей рядом с кроватью тумбочке. Возникло подозрение, что в таком состоянии Герман возвращается в гостиницу не в первый раз, а значит, где-то здесь должна быть аптечка. Проигнорировав полетевшие в мою сторону оскорбительные эпитеты, провела быстрый обыск и в итоге нашла искомое. Я вообще к чужому недовольству устойчивая.

Когда я, вооружившись бинтами, ватой, перекисью водорода и тазиком набранной в ванной воды присела на кровать, Герман отвернулся. Кажется, он если не смирился, то принял мое присутствие как неизбежный факт. Вот так-то лучше.

Аккуратно, заставляя пальцы не дрожать, я расстегнула рубашку и помогла Герману присесть. Затем стянула с него этот пришедший в негодность предмет одежды и снова заставила лечь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава первая</i> , в которой желания исполняются самым неожиданным образом	8
<i>Глава вторая</i> , в которой сказка становится реальностью	17
<i>Глава третья</i> , в которой коты носят чемоданы, а с монстров пишутся портреты	25
<i>Глава четвертая</i> , в которой желе наносит удары, а нахалы летают на змеях	34
<i>Глава пятая</i> . О том, какие бани предпочитают духи	43
<i>Глава шестая</i> . О неприличных снах и говорящих котках	53
<i>Глава седьмая</i> . О тех, кто обитает в темноте	64
<i>Глава восьмая</i> , в которой безымянноборец наносит желе ответные удары	73
<i>Глава девятая</i> . О чирикающих гусях и новой работе	83
<i>Глава десятая</i> , в которой открывается ярмарка духов	91
<i>Глава одиннадцатая</i> . Об огненных полетах и незваных гостях	101
<i>Глава двенадцатая</i> , в которой появляется один очень загадочный персонаж	113
<i>Глава тринадцатая</i> , в которой Большой Дом открывает некоторые свои тайны	121
<i>Глава четырнадцатая</i> , в которой совершается небольшое путешествие в другой мир	131
<i>Глава пятнадцатая</i> . О любовных письмах, жабах и важных разговорах	142
<i>Глава шестнадцатая</i> . О скоротечности времени и красных цветах	154
<i>Глава семнадцатая</i> . Об испорченных свиданиях и о повторяющихся нападениях	165
<i>Глава восемнадцатая</i> . О барьерах установленных и разрушенных	174
<i>Глава девятнадцатая</i> . О волшебных ключах и спонтанных свиданиях	184
<i>Глава двадцатая</i> , в которой открываются некоторые тайны прошлого	194
<i>Глава двадцать первая</i> . О вторжениях в сознание и посиделках на крыше	206
<i>Глава двадцать вторая</i> , в которой подготовка к балу идет полным ходом	217

<i>Глава двадцать третья.</i> О ссорах, примирениях и тыквах	227
<i>Глава двадцать четвертая.</i> О том, что предупрежден — значит, вооружен	238
<i>Глава двадцать пятая,</i> в которой одной горничной приходится работать банницей	248
<i>Глава двадцать шестая.</i> О неприятностях и блуждающих духах	257
<i>Глава двадцать седьмая.</i> Об утерянных воспоминаниях	268
<i>Глава двадцать восьмая.</i> О горящих окошках и сдутых воздушных шариках	282
<i>Глава двадцать девятая,</i> в которой происходит Большая битва за Большой Дом	294
<i>Эпилог</i>	309